

И. У. БУДОВНИЦ

Отражение политической борьбы Москвы и Твери в тверском и московском летописании XIV века

На протяжении всего XIV века, в течение почти 100 лет, продолжалась ожесточенная борьба Москвы и Твери за гегемонию в объединительном движении северо-восточной Руси. Борьба эта сопровождалась многочисленными вооруженными столкновениями, в которые были вовлечены не только русские земли, но также Золотая Орда и Литва. Борьба велась и идеологическими средствами, найдя отражение в различных источниках (княжеские договоры, послания, жития и др.). Основным памятником этой борьбы остаются, однако, русские летописи того времени.

В обоих княжествах велась интенсивная летописная работа, задача которой заключалась, между прочим, в оправдании действий своего князя и в обосновании его прав на великое княжение. Следует заметить, что летописные записи XIV века дошли до нас не в первоначальном своем виде, а в редакции и переделках последующих сведчиков, преследовавших определенные политические задачи. Особенно искажены тверские записи, прошедшие впоследствии цензуру Москвы, которая, естественно, была заинтересована в том, чтобы изобразить события в благоприятном для себя духе. Несмотря на это, до нас дошли некоторые памятники и тверского летописания, особенно тщательно изученные А. Н. Насоновым, который выделил их из позднейших сводов. Проследив нить летописных записей о событиях Тверского княжества, тянущихся с 1285 года, А. Н. Насонов установил, что эта местная тверская летопись была использована в Твери же при составлении великокняжеского свода, доведенного до 1327 года. В Москве после того, как Иван Калита получил ярлык на великое княжение Владимирское, свод 1327 года несколько переработанный и дополненный московскими известиями, получил продолжение в качестве московского великокняжеского летописца, который в начале XV века был положен в основу Троицкой летописи и дошел до нас в составе Симеоновской летописи. В то же время свод 1327 года получил впоследствии продолжение и в качестве тверского великокняжеского летописца, пополнившись известиями местного тверского летописания. Больше всего тверские летописные материалы сохранились от 60-х и 70-х годов XIV века, когда борьба между Москвой и Тверью носила особенно ожесточенный характер. Оборвавшись на несколько лет после разгрома Твери в 1375 году Дмитрием Донским, тверское летописание возобновилось в 1382 году и уже не прекращалось в течение всего самостоятельного существования Тверского княжества. В начале XV века тверской епископ Арсений предпринял составление общетверского летописного свода, значи-

тельно отредактированного тотчас же после смерти Арсения в 1409 году и завершавшегося повестью о его преставлении. В 1455 году, по повелению великого князя тверского Бориса Александровича, этот свод был сокращен и переработан в определенном направлении. Автор данной сокращенной редакции «дает построение всемирной истории от сотворения мира и до падения Константинополя, причем в центре внимания ставит Тверское княжество. Текст этой сокращенной редакции Тверского свода (1455 г.) мы имеем в Тверском сборнике, а также в Рогожском летописце до 1375 г.»¹ Как убедимся в дальнейшем, эти два памятника — Тверской сборник² и Рогожский летописец³ — действительно отражают тверскую точку зрения на важнейшие события развернувшейся в XIV веке борьбы за возглавление всех земель северо-восточной Руси.⁴

В то же время летописная работа, хотя и менее оживленная, чем в Твери (это относится, по крайней мере, к первой половине XIV века), велась и в Москве. Уже в свод Ивана Калиты, основным источником которого являлся переработанный в московском духе тверской великокняжеский свод 1327 года, влились летописные записи, которые с начала века составлялись при дворе митрополита Петра, а также семейный летописец Ивана Калиты.⁵ Сотрудничество московских великих князей с митрополитами отразилось и на характере московского летописания XIV века, над которым совместно трудились и светская и духовная власти. Московская тенденция особенно явственно выступает в Симеоновской летописи,⁶ но проявляется она и в ряде других сводов (в Никоновском, например), где очень многим событиям дается совершенно иное освещение, чем в летописях тверских. Случается, впрочем, что в одном и том же своде промосковская и протверская тенденции причудливо переплетаются, обнаруживая либо различный состав источников, либо недостаточную бдительность редактора.

Таким образом, хотя московские и тверские летописи дошли до нас в осколках или в сильно переделанном виде, по ним все же можно проследить как самый ход борьбы между Москвой и Тверью за возглавление начинавшего складываться Русского централизованного государства, так и идеологическое обоснование этой борьбы.

¹ А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. (Опыт реконструкции тверского летописания с XIII до конца XV в.). Известия АН СССР, VII сер., Отд. гуманитар. наук, 1930, № 9, стр. 709—738; № 10, стр. 739—772. Выводы этого исследования — в статье того же автора «Летописные своды Тверского княжества» (Доклады АН СССР, «В», 1926, ноябрь—декабрь, стр. 125—128).

² ПСРЛ, XV, СПб., 1863.

³ ПСРЛ, XV, изд. 2-е, вып. 1, Пгр., 1922. (В дальнейшем цитируется: Рогожский летописец).

⁴ По построению А. А. Шахматова, текст Рогожского летописца от 1288 до 1327 года почти тождествен с Тверским сборником, а текст от 1328 до 1374 года (т. е. за период, который нас больше всего интересует) представляет собой компиляцию известий Симеоновской летописи с известиями Тверского сборника (А. А. Шахматов. Обзорные русские летописные своды XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 312). Однако, несмотря на то, что в Рогожском летописце сохранилась не только тверская, но и московская летописная традиция, этот летописец более всего отражает тверскую точку зрения на события XIV века. Особенно ценен этот памятник еще и тем, что он избег последующей московской цензуры.

⁵ М. Д. Приселков. История русского летописания. Л., 1940, стр. 123—125.

⁶ ПСРЛ, XVIII, СПб., 1913 Симеоновская летопись с 1328 года основывается на московском летописании, а использованное до 1328 года тверское повествование в результате определенной переработки «оказывается сбитым, переиначенным и пополненным московскою рукою» (М. Д. Приселков, ук. соч., стр. 112).

I

Борьба за объединение русских земель в единое централизованное государство, обусловленная в первую очередь глубокими сдвигами в экономической жизни русских княжеств, возникла еще в конце XII — начале XIV века, когда Русь стала оправляться от татарского погрома. И после катастрофического нашествия Батыя татары время от времени устраивали Руси страшные кровопускания. В 1252 году ее громил рать Неврюя, в 1281—1282 годах по всему огромному Суздальскому краю огнем и мечом прошли орды Кавгадыя и Алчедая, в 1293 году русские земли разорял Дюдень. Все эти погромы сопровождались массовым истреблением населения и уводом людей, уничтожением производительных сил, разорением городов. Но после каждого нашествия русские люди, уцелевшие от сабли или от аркана, снова собирались на свои пепелища, терпеливо и настойчиво восстанавливали разрушенные очаги.

К концу XIII века, через каких-нибудь 50 лет после батыева погрома, северо-восточная Русь не только встала из развалин, но стала обнаруживать признаки несомненного роста. Почти полное отсутствие для описываемого времени актового материала и скудость других источников не позволяют проследить этот процесс во всех его проявлениях. Все же в нашем распоряжении имеется ряд фактов, непреложно свидетельствующих о хозяйственном росте, наблюдавшемся в северо-восточной Руси во второй половине XIII века.

Хотя в это время на просторах северо-восточной Руси попрежнему господствовало натуральное хозяйство, общественное разделение труда делало непрерывные успехи, и это прежде всего находило выражение в оживлении торговли. Хлеб еще не стал массовым товаром (это случилось позднее, в конце XV века), но уже и сейчас создавались некоторые товарные излишки в результате непрерывных успехов общественного разделения труда. Все это содействовало росту и развитию городских элементов — ремесленников и купцов, которые были кровно заинтересованы в ликвидации феодальной раздробленности и образовании централизованного государства.

Самым знаменательным в описываемое время является факт хозяйственного и политического роста северо-восточных городов. Старые центры края — Владимир, Ростов и Суздаль, разрушенные дотла ордами Батыя, потеряли свое былое значение. Зато во второй половине XIII века наблюдается непрерывный рост новых городских центров, многие из которых становятся средоточием самостоятельных и полусамостоятельных княжеств. Распад Владимиро-Суздальского великого княжения был политическим выражением распространения и углубления феодальных отношений. Но этот процесс заключал в себе и другое важное явление, а именно хозяйственный рост отдельных областей и стоявших во главе них городов. Только благодаря этому они могли выделиться в самостоятельные полугосударства и играть известную роль в судьбах Руси.

В XIII веке хозяйственно вырос Переяславль Залесский — важный узел многочисленных путей, центр изобиловавшего естественными богатствами края (рыбные ловли, соляные источники, бортные угодья), давший северо-восточной Руси несколько великих князей (Ярослав Всеволодович, Александр Невский, Дмитрий Александрович). Основанный в начале XIII века на важнейшем узле Волжско-Окской магистрали Нижний Новгород уже после нашествия татар выделился в стольный город отдельного Нижегородско-Суздальского княжества. Город Юрьев, центр одной из немногочисленных на северо-востоке плодородных областей, тоже

стал «столицей» самостоятельного княжества. Стольными городами стали в XIII веке Ярославль (выделившийся из Ростовского княжества), Кострома, Стародуб, Галич и некоторые другие, совсем еще недавно глухие пункты. В середине века из обширного Переяславского края выделались в самостоятельные владения Москва и Тверь. Они быстро приобрели большое хозяйственное и политическое значение и уже в начале XIV века выступили в качестве основной политической силы северо-восточной Руси.

Продолжительная и упорная борьба Москвы с Тверью началась в 1304 году, когда умер великий князь Андрей Александрович и на освободившийся стол великого княжения сразу предъявили претензии тверской князь Михаил Ярославич и князь московский Юрий Данилович. Как известно, в Орде спор был решен в пользу Михаила Ярославича, которому достался ярлык на великое княжение. Неоднократные попытки сокрушения Москвы, предпринятые после этого Михаилом Ярославичем, получившим в свое распоряжение все ресурсы великого княжества Владимирского, закончились полной неудачей. Уже в это время, в начале XIV века, Москва выступает влиятельным княжеством, которое пользуется симпатиями и поддержкой в Новгороде, Переяславле Залесском, Костроме, Нижнем-Новгороде. В то же время она достаточно сильна, чтобы оспаривать у Твери роль главы всех русских земель.¹

Борьба между Михаилом Ярославичем и Юрием Даниловичем возобновилась в 1313 году, когда Юрий, после двухлетнего пребывания в Орде, где он сумел завоевать доверие хана Узбека и женился на его сестре Кончаке, добыл ярлык на великое княжение. Новая вспышка борьбы между двумя соперничавшими русскими князьями получила совершенно различное освещение в тверской и московской литературе.

Вот как передает подробности этой борьбы тверской летописец.

Юрий вернулся из Орды, приведя с собой «посла силна» Кавгадыя. Михаил Ярославич с князьями суздальскими встретил их у Костромы. Долго стояли тут у Волги, но до военных действий дело не дошло: по настоянию Кавгадыя, Михаил отказался от великого княжения, после чего вернулся в Тверь «и заложи болший град Кремль». Со своей стороны Юрий совместно с новгородцами стал готовиться к комбинированному удару на Тверское княжество с севера и с юга. С князьями суздальскими, которые перешли на его сторону, и с Кавгадыем он пошел от Костромы к Ростову, от Ростова к Переяславу (причем «много зла творяху христианом»), из Переяслава в Дмитров, из Дмитрова в Клин. Одновременно новгородцы пришли в Торжок «на великого князя Михаила, в помощь Юрию князю». ² Здесь они простояли шесть недель, «стекаа срок», когда «Юрию князю» выйти из Волока, а им от Торжка. Но Михаил, не дожидаясь их сроков, выступил против новгородцев и разбил их. Тем временем Юрий с татарами «и со всею силою суздальскою» начал воевать Тверскую волость, пожег села и жито, увел людей в плен и подошел уже к Твери. Юрий, однако, не решился штурмовать город, укрепления которого были незадолго до этого возобновлены. В 15 верстах от Твери Юрий простоял пять недель, и в это время послы ездили от

¹ В статье М. Н. Тихомирова «Начало возвышения Москвы» находим интересные наблюдения, свидетельствующие о том, что уже в XIII веке, задолго до начала борьбы между Москвой и Тверью, Москва выступает заметной величиной в политической жизни северо-восточной Руси (Известия АН СССР, сер. истории и философии, I, № 3, М., 1944, стр. 103—104).

² Хотя Михаил отказался уже от великого княжения в пользу Юрия, тверской летописец продолжает называть Юрия просто князем, а Михаила — великим князем.

Кавгадья к Михаилу, «а все с лестию и не бысть межи ими мира». После этого Юрий, Кавгадый и суздальские князья пошли к Волге, намереваясь перейти ее и опустошить левобережную часть Тверского княжества. Михаил соединился с кашинскими боярами, владениям которых теперь угрожала непосредственная опасность, выступил против Юрия «и пособи бог великому князю Михаилу Ярославичу». В сильном бою у Бортенева Юрий был разбит. Среди прочих многочисленных пленных в руки Михаила попала жена Юрия Кончака. Юрий бежал в Новгород «в мале дружине». Бой у Бортенева произошел 22 декабря 1316 года (по данным других летописей — зимой 1317 года). Наутро Михаил взял мир с Кавгадыем, привел его в Тверь с дружиной, оказал ему почести и отпустил.¹

Несмотря на одержанную победу, Михаил, под давлением Кавгадья и Новгорода, должен был сделать ряд уступок. Он обязался освободить Кончаку и находившихся у него в плену братьев Юрия — Бориса и Афанасия, а также ранее захваченных новгородцев. Михаил согласился также пойти на суд к Узбеку. Тверской летописец, подчеркивая миролюбие Михаила Ярославича, сообщает даже, что он послал в Москву Олексу Марковича «посольством о любовь», но Юрий убил посла.² Михаил послал в Орду сына Константина, туда же отправились Юрий с Кавгадыем. «Дошедшу же Орды князь Юрию, а с ним начлику всего зла, беззаконному и проклятому Кавгадию, наставляеми диаволом, начаша вадити на великого князя Михаила беззаконному царю Озбяку», будто Михаил, собрав по городам много дани, хочет уйти «в Немцы», а в Орду не собирается. Царь Узбек разгневался, повелел Константина морить голодом и запереть его «в единой хранине». Он отпустил его только по совету некоторых своих приближенных, которые указали Узбеку, что, если он убьет Константина, то тогда уже наверное Михаил не придет в Орду.

6 декабря 1317 года сам «благоверный великий князь» Михаил (Юрия тверской летописец попрежнему везде называет просто князем) прибыл в Орду, расположившуюся в то время в устье Дона. Он по обычаю одал татарских князей и цариц (ханш), а потом и самого хана. Через месяц Узбек приказал своим «радцам» судить его с Юрием. «Они же судивше, не рекоша правды ко царю; но виною обоглавше его беззаконному царю Озбяку», которому они объявили, что Михаил достоин смерти. Убили его спустя 25 дней (22 ноября), причем все это время после суда он передвигался с тяжелой сохой (колодой) на шее. Так, заключает свой рассказ тверской летописец, «блаженный и христолюбивый князь великий Михайло Ярославич... приат нужную (т. е. насильственную, — И. Б.) смерть за христианы и за отчину свою».³

Никоновская летопись передает некоторые подробности ордынского суда над Михаилом Ярославичем. По данным этой летописи, ему были предъявлены следующие обвинения: «...горд еси и непокорив царю нашему, и посла царева Кавгадья соромотил еси, и с ним бился еси, и дани цареви имал еси себе, а царю еси не давал, и в Немцы с казною бежати хотел еси, и казну в Рим к папе отпустил еси, и княгиню Юрьеву зелнем уморил еси, и князей и татар царевых побил еси».⁴ Еще в большей сте-

¹ ПСРЛ, XV, стлб. 409—410. Совершенно так же передает события Рогожский летописец.

² ПСРЛ, XV, стлб. 410.

³ ПСРЛ, XV, стлб. 410—412.

⁴ ПСРЛ, X, СПб., 1885, стр. 187. В сказании о гибели Михаила Ярославича в Орде эти обвинения сформулированы так: «царевы дани не дал еси, противу после бился еси, княгиню великого князя Юрья уморил еси» (ПСРЛ, т. V, СПб., 1851, стр. 211; Отдел рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Троицкое собр., № 671, л. 133 об.; см. также: ПСРЛ, XXV, М.—Л., 1949, стр. 163).

пени, чем Тверской сборник, Никоновская летопись также подчеркивает, что Михаил Ярославич умер мученической смертью за христиан, т. е. за народ. «Аще бы он не пошел в Орду, — пишет летописец, — слышав толика беды на себя, и отошел бы в-ыныя земли, и пришедше бы татарове, ищуще его, колико бы христиан замучили, и смерти предали и святые церкви поругали; но сей блаженный Михаил за всех себя даде, и смертью нужною скончяся».¹

Симеоновская летопись, более всех других сохранившая следы московского летописания, явно неохотно останавливается на событиях, связанных с гибелью Михаила Ярославича, и передает их очень кратко. Зимой, сообщает летописец, князь Юрий приходил с ратью великою к Твери, на Бортенева был «бой велик, сеча зла», победил князь Михаил, он захватил князя Бориса и Кончаку и отвел в Тверь, где Кончака «зельем уморена бысть». Ничего нет в Симеоновской летописи о давлении Кавгады на Михаила Ярославича, о его «лести», о том, что Михаил отказался от великого княжения и тем не менее его владения подверглись нападению и опустошению со стороны Юрия, поддержанного татарами; дана версия об отравлении Кончаки, хотя Михаил держал себя осторожно с татарами, избегая осложнений с ними, и едва ли стал бы убивать сестру хана Узбека.² О самом убийстве Михаила Ярославича дается краткая запись: «Того же лета убил царь Озбяк в Орде великого князя Михаила Ярославича Тферского на реце Наи, у города у Деякова, и привезоша его из Орды в Москву».³ Почему убил, при каких обстоятельствах, при чем содействии — об этом в Симеоновской летописи нет ни слова. Здесь явно чувствуется рука писателя, желающего умолчать о роли князя Юрия, который прямо или косвенно содействовал гибели Михаила Ярославича.

В то же время уже в самых ранних сказаниях, посвященных гибели Михаила Ярославича в Орде,⁴ красной нитью проходит одна мысль, идущая

¹ ПСРЛ, X, стр. 187. В первоначальном рассказе о гибели Михаила сообщается, как к нему во Владимир приехал посол от Узбека с требованием, чтобы он немедленно («вборзе») прибыл в Орду. Бояре и сыновья Михаила начали отговаривать его от поездки, предлагая, чтобы он вместо себя послал кого-нибудь из своих сыновей, но Михаил отвечал им: «Видите ли, чада моя, яко не требует вас царь, ни иного кого, разве мене, моя бо главы хоцеть, и аще аз где уклонюса, то вотчина моя вся в полоне будет и множество христиан избнени будут, а после того умрети же ми будет от него, то лучше ми есть ныне положити главу свою, да неповиннии не погибнут» (Рукоп. Троицкого собр. № 671, л. 132 об.; см. также: ПСРЛ, V, стр. 210).

² ПСРЛ, XVIII, стр. 88. О том, что Кончака была отравлена в Твери, сообщает и Воскресенская летопись (ПСРЛ, VII, СПб., 1856, стр. 188), в то время как Никоновская летопись передает это известие в виде непроверенного слуха («инии же глаголють, яко тамо во Твери зелием уморена бысть» — ПСРЛ, X, стр. 181). Между тем, как мы видели, отравление Кончаки было одним из главных обвинений, выдвинутых против Михаила в Орде.

³ ПСРЛ, XVIII, стр. 88.

⁴ Помещенная в Воскресенской и Софийской летописях (а также в Московском своде конца XV века) повесть о гибели Михаила Ярославича в Орде является, как справедливо указывает В. О. Ключевский, позднейшей переделкой, а не первоначальным сказанием, написанным современником. Последнее помещено в Четких Минеях Тулупова XVII века. (В. О. К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 71, примечание), ныне хранящихся в Рукописном отделе Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, в Троицком собр., под № 671. На лл. 111—129 об. помещена позднейшая переделка: «Месяца того же [ноября] 22 день убиен великий князь Михаил Ярославич Тферской от безбожного царя Азбяка, а вслед за этим под заголовком на полях «Ино творение» идет первоначальное сказание (лл. 129 об.—141 об.). Сличая это рукописное сказание с текстом, напечатанным в летописях (ПСРЛ, V, стр. 207—215; VII, стр. 188—197; XXV, стр. 161—166), убеждаемся, что печатный текст включает целый ряд позднейших вставок, изобличающих в сказании памятник тверской публицистики. В летописном сказании описываются ужасы, которым подверглась Тверская земля при наступлении Юрия и Кавгады: «... и бысть туга не мала, имающе мужи и мучащи

шая врез с обычным феодальным воззрением относительно владельческих прав князей. В сказаниях подчеркивается, что именно Михаил Ярославич более всех других князей имел права на великокняжеский престол: он и по старейшинству более всех князей «дошел... степени княжения великого», его и Андрей Александрович на смертном одре якобы благословил «на свой стол»¹ и т. д. И все же Михаил Ярославич без колебаний отказывается от своих прав, более того, он добровольно идет на гибель, лишь бы отвести угрозу от народа. Михаил Ярославич, который сам наводил татар на Новгород (о чем, конечно, автор сказания умалчивает), выступает здесь с чертами идеальными, и характерно, что в период, когда на Руси началось движение за создание централизованного государства, русские книжники фигуру образцового князя рисуют именно такими чертами.

В этой связи интересно отметить еще одно обстоятельство, на которое в свое время обратил внимание еще В. О. Ключевский. Разбирая повесть о Михаиле Ярославиче, Ключевский указал как на любопытное явление, что «Юрий московский остается в тени, и не на него направлено тверское негодование автора. Юрий с низовскими князьями — орудия татар, невольные жертвы ордынской жадности и особенно треклятого Кавгадыя, всего зла заводчика. Такое отношение тем более любопытно, — продолжает Ключевский, — что Москва в начале XIV века не была еще окружена в глазах общества блеском, прикрывавшим многое, и сам автор не скрывает подробностей, не согласных с его отношением к действующим лицам рассказа».² Если бы автор повести подчинил свое творчество мелкозавладательным интересам отдельных феодальных дворов, мы не могли бы ждать от него такого освещения подвига Михаила Ярославича и такого снисходительного отношения к Юрию Даниловичу. Былой широкий политический горизонт, характерный для русской публицистики конца XI—начала XII века, заволакивавшийся в последующие столетия узкими, своекорыстными интересами мелких феодальных владетелей, в XIV веке

различными муками и смерти предаху, а жены их оскверниша поганин, и пожгоша всю власть Тферскую и до Волгы» (ПСРЛ, V, стр. 208). В первоначальном рукописном сказании ничего этого нет, и рассказ ограничивается одним стереотипным указанием, что Юрий с Кавгадыем, «пришедше в землю Тверскую, много зла сотвориша» (л. 131). Нет в рукописном сказании и сообщения, будто еще до вступления Кавгадыя и Юрия в Тверские пределы Михаил добровольно уступил Юрию великое княжение («брате! аже дал царь тебе великое княжение, то и аз отступаюся тебе, княжи на великом княжении, а в мою опришнину не вступайся») и распустил свое войско (ПСРЛ, V, стр. 208). Нет и речи Михаила к епископам, князьям и боярам, которым он будто заявил, что долго терпел, ожидал, что истощится, наконец, злоба врагов, но теперь он вынужден против них выступить, на что собравшиеся отвечают полным одобрением его действий и намерений (ПСРЛ, V, стр. 208—209). В своей речи Михаил выступает мстителем за убитых, полоненных и оскверненных ст поганых (ПСРЛ, V, стр. 209) По рукописному сказанию, Юрий, потерпев поражение у Бортенева, собрал много новгородцев и псковичей и снова пошел на Тверь, после чего Михаил согласился поехать на суд в Орду. В позднейшем летописном сказании согласие Михаила перенести спор в Орду объясняется тем, что Михаил не хотел «видети другое кровопролитие за толь малы дни» (там же).

Думается, однако, что переделка относится не к XV веку, как полагал Ключевский, а к тому же XIV веку. Об этом, между прочим, свидетельствует фраза: «Обычай бо поганых и до сих мест вмещуше вражду межю братии князей русьских, и себе бошая дары взимаху» (ПСРЛ, V, стр. 208; разрядка моя, — И. Б.), больше отражающая политические отношения XIV, чем XV века.

¹ Впрочем, рассказ о «благословении» Андрея Александровича является позднейшей вставкой, отсутствующей в первоначальном рукописном сказании.

² В. О. Ключевский, ук. соч., стр. 73—74. Как мы уже знаем, в первоначальном сказании, написанном современником событий, князь Юрий еще более остается в тени, чем в последующей повести, попавшей на страницы летописей.

вновь начинает проявляться... Правда, и в XIV веке мы еще неоднократно встречаемся с литературными памятниками, у авторов которых политический горизонт замыкается феодальной околицей, однако политическую погоду все больше и больше начинают делать такие писатели, у которых на первом плане выступают общерусские интересы.

Ранние повести о гибели Михаила Ярославича представляют интерес и в другом отношении. Житие Михаила Всеволодовича Черниговского, первоначальные варианты которого составлены еще в XIII веке, изображают этого князя мучеником за веру. В повести об убийении Михаила Ярославича мы наблюдаем другую тенденцию. Автор оттеняет исключительно политическую сторону дела, нисколько не пытаясь приписать Михаилу Ярославичу каких-либо черт защитника православной веры. Автор некролога, помещенного в Тверском сборнике, считает даже нужным оговорить, что Михаил, хоть «и не веры ради убийень бысть...», якоже святии мученици, но по заповеди же спасове, иже в еуангелии рече: болше сеа заповеди любве несть, иже кто положит душу свою за други своя».¹ При этом автор некролога подчеркивает, что Михаил принял «блаженную страсть» «за многий род христианский»,² т. е. опять-таки проводит ту же политическую линию, что и автор повести об убийении Михаила Ярославича.

Литературные памятники, повествующие о соперничестве между Михаилом Ярославичем Тверским и Юрием Даниловичем Московским, рисуют еще одну важную сторону русской политической жизни начала XIV века, нашедшую отражение в публицистике того времени. Имену в виду тот факт, что к началу XIV века Русь стяхнула уже с себя оцепенение, вызванное ужасами татарского погрома. Она не трепещет уже, как прежде, от одного приказа хана и не склонна беспрекословно и слепо повиноваться ханской воле. Михаил Ярославич получил ярлык на великое княжение, но он ничего не может поделать ни с Москвой, ни с другими городами (Новгородом, Переяславлем, Костромой, Нижним-Новгородом), которые не желают ему подчиняться. С другой стороны, и Михаил Ярославич, потеряв ярлык на великое княжение, также не склонен беспрекословно подчиниться приказу видного ханского посла и с оружием в руках отстаивает свою вотчину от нового великого князя и от татар. Записи, отражающие пренебрежение и ненависть к татарам, попадают и на страницы официальных летописей. Если в XIII веке суздальские летописцы избегают резких выражений по адресу татар, то теперь авторы летописных и других литературных памятников именно в татарах видят основную причину неурядиц русской жизни. Тверской сборник и Рогожский летописец несчастья, случившиеся с Михаилом Ярославичем (и с Тверской землей), приписывают «началнику всего зла, незаконному и проклятому Кавгадию»,³ а автор большой повести об убийении Михаила Ярославича негодует по поводу «обычая поганых» сеять «вражду межи братьи князей русских», чтобы тем самым вымогать себе побольше даров и выгод, а землю Русскую отягощать великими тяготами.⁴

¹ ПСРЛ, XV, стлб. 413.

² ПСРЛ, XV, стлб. 413.

³ ПСРЛ, XV, стлб. 410.

⁴ ПСРЛ, VII, стр. 189. В первоначальном сказании об убийении Михаила Ярославича указывается, что «беззаконнии измаильтяне не сыти сущи мздоимства, его же желалу, вземше много сребра и даша великое княжение князю Юрию Даниловичю» (Рукоп. Троицкого собр. № 671, лл. 130 об.—131).

II

При хане Узбеке Золотая Орда переживала период подъема: в стране прекратились усобицы, укрепилось влияние Орды на подвластные народы, усилились ее международные связи. Однако в первые годы царствования Узбека русские князья попрежнему не очень склонны были считаться с ханскими приказами и с оружием в руках отстаивали свои права против посягательств других князей, вопреки ханским ярлыкам.

Осенью 1321 года Юрий Данилович «со всею силою низовскою и суздальскою» совершил поход на Кашин, намереваясь, очевидно, достичь того, чего в значительной мере добился впоследствии Иван Калита, а именно заставить тверских князей вносить в Орду дань («выходное серебро») не непосредственно, а через великого князя. Против Юрия с тверскими и кашинскими полками выступили тверские князья братья Дмитрий и Александр Михайловичи, но до военных действий дело не дошло. При содействии тверского епископа Андрея был заключен мир, по условиям которого Юрий забрал у Михайловичей 2000 рублей выходного серебра. Однако он с деньгами не поехал в Орду, а ушел в Новгород, где интересы обороны требовали его присутствия.

Этим обстоятельством воспользовался Дмитрий Михайлович. Он поехал в Орду, где обвинил Юрия в том, что тот задержал полагающееся хану серебро. Юрий тем временем тоже поехал в Орду, но по дороге на него напал Александр Михайлович, захватил его бояр и отрезал ему путь в Орду. Дмитрий Михайлович, получив от хана ярлык на великое княжение, вернулся на Русь с татарским послом. Другой посол, Ахмыл, прибыл с Иваном Даниловичем (будущим Калитой), безуспешно хлопотавшим в Орде за брата. Ахмыл сжег и разграбил Ярославль, много зла причинил русским людям и вызвал Юрия на суд к Узбеку. Туда же поехал и Дмитрий. В Орде еще до суда Дмитрий убил Юрия и сам через месяц был казнен.¹ Все же, верные своей политике уравнивания сил русских князей, татары на этот раз предоставили ярлык на великокняжеское достоинство не московскому князю Ивану Калите, а тверскому Александру Михайловичу. Это случилось в конце 1324 года, а через три года произошли бурные события, снова изменившие соотношение сил в пользу Москвы.

В 1327 году с чрезвычайными полномочиями и с внушительными военными силами был направлен в Тверь из Орды племянник Узбека Чол-хан (Щелкан Дудентьевич по русским народным песням или Шевкал

¹ Любопытно, что тверская летопись, сообщая об убийстве князя Юрия в Орде, совершенно умалчивает о том, при каких обстоятельствах и кем он был убит (ПСРЛ, XV, табл. 415; Рогожский летописец, табл. 42). Наоборот, Симеоновская летопись прямо указывает, что «князь Дмитрий Михайлович Тферский в Орде убил князя великого Юрья Даниловича» (ПСРЛ, XVIII, стр. 89). В позднейшем «Сказании о убийнии великого князя Георгия Даниловича московского» проводится принципиальное различие между убийством Михаила Ярославича, павшего от рук татар, и убийством Юрия Даниловича, совершенным его «сродником»: «Благодарный же великий князь Георгий Московский и всея Руси по сопрнии княжения Владимирского со святым страстотерцем великим князем Михайлом Ярославичем Тферском (1) и по успении его царевым повелеишем во Орде от безбожного Кавгадыя, убиен бысть и сам великий князь Георгий Данилович во Орде, кроме повеления царева, не от неверных пострада, но от своего сродника. Тферской князь Дмитрий Михайлович братоубийственно си кровию руже оскверни, того ради такову месть и сам прия от царя, убиен» (Рукописное отделение Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Румянцевское собр., № 364, л. 277). Хотя сборник, в котором помещено сказание, составлен в конце XVII—начале XVIII века, тем не менее повесть бытовала значительно раньше, восходя, быть может, ко времени, близкому к описываемым событиям.

по русским летописям). В отличие от других татарских послов, которые вихрем пронеслись по русским областям и довольно быстро, пограбив и разорив население, возвращались во-свояси, Чол-хан прочно осел в Твери и, судя по всем данным, намеревался прочно обосноваться и на Руси.

Что заставило золотоордынских правителей предпринять такой чрезвычайный и необычный шаг? Полемизируя с В. С. Борзаковским, который считал, что Чол-хан приехал для получения выходного серебра или для вызова Александра Михайловича в Орду, А. Е. Пресняков справедливо указывает, что для этой цели едва ли была надобность в присутствии больших вооруженных сил. «Вернее допустить, — полагает А. Е. Пресняков, — что Щелканов приход имел целью терроризировать русский улус и восстановить на месте грозу ханской власти».¹

Это замечание целиком согласуется с приведенными выше соображениями об ослаблении татарской власти на Руси в начале XIV века. Укрепив свое положение, водворив порядок внутри страны, хан Узбек, очевидно, не желал больше мириться со «своеволием» русских князей и решил через особо доверенное и близкое лицо вмешаться в русские политические отношения и взять их под свой непосредственный контроль.

Надо отметить, что и современники так поняли назначение Чол-хана. После предоставления Александру Михайловичу великокняжеского ярлыка, отмечает тверской летописец, «безбожные татары» стали говорить «беззаконному царю»: «аще не погубиши князя Александра и всех князей русских, то не имаша власти над ними». «Разорить христианство», избить князей, пленить княгинь с их детьми вызвался «беззаконный, проклятый и всему [злу] начальник Шевкал, разоритель христианский».²

Летописные повести о событиях, связанных с прибытием Чол-хана в Тверь, дошли до нас в нескольких редакциях. По рассказу Никоновской летописи, народное восстание против обнаглевших татарских насильников возглавил князь Александр Михайлович, который собрал тверичей и вооружил их. Однако этот рассказ основан на позднейшей, приукрашенной многими вымыслами, подробной редакции, составленной в XV веке и отражающей настроения тверских политических деятелей того времени, желавших возвеличить тверскую княжескую династию. Гораздо правдивее редакция, представленная записями Тверского сборника и Рогожского летописца, основанная на близком по времени к событиям источнике.³ По основному рассказу Тверского сборника,⁴ Чол-хан со многими татарами явился в Тверь, изгнал князя из его дворца и сам там обосновался «съ мною гордостью; и воздвиже гонение велико над христианы, насилство[m] и граблением, и бие[ние]m и поруганием». Народ стал жаловаться Александру Михайловичу, но, вопреки версии Никоновской летописи, великий князь велел народу терпеть. Однако народ не послушал своего князя и поднял восстание против своих угнетателей. Поводом к восстанию послужил очередной акт насилия татар над тверскими жителями. В праздничный день Успения, 15 августа 1327 года,⁵ диакон Дудко повел «кобылицу младу и зело тучну» поить на Волгу.

¹ А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства. Пгр., 1918, стр. 137.

² ПСРЛ, XV, стлб. 415.

³ О соотношении летописных редакций, повествующих о Чол-хане, см.: М. А. Ильин. Тверская литература XV в. как исторический источник. Труды Истор. архивн. инст., III, М., 1948, стр. 41—42.

⁴ ПСРЛ, XV, стлб. 415—416.

⁵ В этот день, по сообщению Никоновской летописи Чол-хан собирался осуществить свой план — «сам сести на княжении во Твери, а своих князей татарских хотя посажати по руским градом, а христиан хотяше привести в татарскую веру» (ПСРЛ, X, стр. 194).

Татары стали отнимать кобылицу, и Дудко поднял тревогу. «О, мужи тверьсти, — закричал он, — не выдайте!». Завязалось столкновение. Татары, «надеющиеся на самовластие, начаша сечи, и абие стекошася чело- веци, и смятошася людие, и удариша в колоколы, и сташа вечием, и пово- ротися весь град, и весь народ том часе събрашася, и бысть в них за- мятня, и кликнуша тверичи, и начаша избывати татар, где кого застронив, дондеже и самого Шевкала убиша и всех порядку». От гибели спаслись только татарские пастухи, которые за городом пасли коней. Узнав о слу- чившемся, они вскочили на лучших жеребцов, помчались в Москву и оттуда в Орду, где «възвестиша кончину Шевкалову».

Ответом на тверское восстание была посылка большой карательной экспедиции («Федорчукова рать») во главе с пятью темниками. Огнем и мечом прошла она по всей Тверской земле «и людей множество погу- биша, а инья в плен поведоша, а Тверь и вся гради онем пожгоша».¹ В карательной экспедиции приняли участие Иван Калита, получивший ярлык на великое княжение, и князья суздальские, но летописи (особенно Симеоновская) подчеркивают, что они выступили, подчиняясь ханской воле, «по повелению цареву», а не добровольно. Иван Калита так ловко повел дело, что погром был локализован одними пределами Тверского княжества, и от татар несколько не пострадали ни Московское княжество, ни суздальские города, ни другие владения, входившие в состав великого княжества Владимирского. Летописцы приписывают это обстоятельство особой милости бога, который заступил «благочестивого князя великого Ивана Даниловича», его город Москву и всю отчину «от пленения и кровопролития татарского». Такую версию находим даже в тверской летописи,² но она явно принадлежит позднейшей московской редакции, тем более, что в Рогожском летописце, лучше сохранившем тексты перво- начального тверского летописания, такой записи нет.

Итак, тверское восстание было потоплено в крови. «Великую тягость и многие томления» принесла Тверской земле карательная экспедиция татарских темников. Тверь была совершенно разгромлена и опустошена. В развалинах лежали и другие города Тверского княжества. И все же, несмотря на эти большие жертвы, тверское восстание 1327 года дало огромные положительные результаты. Это восстание сорвало планы Золотой Орды, направленные к тому, чтобы крепче прибрать к рукам русские земли, наладить там какое-то непосредственное управление, пресечь в корне всякое непослушание и непокорство. Тверское восстание показало Золотой Орде, что такие планы даже в отношении ограниченной терри- тории обречены на неудачу. Золотая Орда могла еще собрать силы для очередной карательной экспедиции против провинившегося княжества, но и такая крутая мера не могла уже вернуть Русь к прежним временам оцепенения и беспрекословного повиновения. «Федорчукова рать» быстрой тучей пронеслась над Тверской землей, причинила много бед, но зато тверские люди избавились от «щелкановщины», т. е. от систематического, ежедневно ощущаемого гнета, от постоянных издевательств, непрерывных злодеяний, от сплошного беззакония.

Положительная историческая роль тверского восстания несомненно сказалась на общем содержании известной народной песни о Щелкане Дудентьевиче, проникнутой необычайным оптимизмом.

Песня о Щелкане дошла до нас в четырех вариантах. Один из них имеется в сборнике Кириши Данилова, три других — в записях Гильфер-

¹ ПСРЛ, XV, стлб. 416.

² ПСРЛ, XV, стлб. 417.

динга.¹ Из них наиболее полным и законченным является вариант в сборнике Кирши Данилова; в остальных вариантах до самого восстания действие не доводится.

А. Д. Седельников высказал предположение, что песню о Щелкане сложили в царствование Ивана Грозного скоморохи, которые в иносказательной форме описывали насилия царского шурина Михаила Темрюковича, учиненные им в 1569 году над Тверью по дороге в Новгород.² Однако доводы А. Д. Седельникова весьма искусственны и не согласуются с содержанием самой песни. Гораздо убедительнее мнение тех исследователей, которые считают, что песня о Щелкане была составлена гораздо раньше и непосредственно отражала тверское восстание 1327 года. Я. С. Лурье указывал, что в период создания исторической песни о Щелкане, в которой Азвяк именуется «царем», «государевым величеством», а Щелкан, подобно русским богатырям, — «млад Щелканом», — татары были еще реальной политической силой. А это значит, что песня была создана не позднее XV века.³ Дальнейшие наблюдения автора заставляют признать, что песня существовала уже при тверском князе Борисе Александровиче (умер в 1461 году). Я. С. Лурье в своей статье воспроизводит изображения на рогатине этого князя, хранящейся в Оружейной палате. Изображения являются иллюстрациями к различным эпизодам песни о Щелкане,⁴ и это знак того, что песня существовала задолго до Ивана Грозного. Далее, Я. С. Лурье высказывает чрезвычайно интересную и плодотворную мысль о том, что под упоминаемыми в песне о Щелкане (по варианту Кирши Данилова) руководителями восстания братьями Борисовичами вовсе не подразумеваются князь Александр Михайлович с братом, как полагали некоторые исследователи, а это скорее всего тверской тысяцкий с братом — потомки Бориса Федоровича Полового, родоначальника боярской семьи Шетневых. Внук его, Михаил Шетнев, был тверским тысяцким, и эта должность закрепилась в семье Шетневых.⁵

Обратимся теперь непосредственно к песне о Щелкане Дудентьевиче и постараемся выделить отраженные в ней общественные настроения. Песня (передаем ее содержание по самому полному варианту Кирши Данилова) начинается с того, что в Орде сидит царь Азвяк Оврулович, «суды рассуживает и ряды разряживает, костью размахивает по бритым тем усам, по татарским тем головам». Он дарит шурыям русские города: шурина Василию — Плес, Гордею — Вологду, Ахрамею — Кострому. Это место напоминает приведенную уже выше позднейшую запись Никонской летописи о стремлении Щелкана «своих князей татарских... поса-

¹ Сборник Кирши Данилова, под ред. П. И. Шеффера, СПб., 1901, стр. 13—14. — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г., т. III, вып. 1. Изд. 2-е, СПб., 1900 (Сб. РЯС АН, XI), № 235 (стр. 257—260), № 269 (стр. 372—373) и № 283 (стр. 412—414); см. также: А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, III. М.—Л., 1940, стр. 252—254, 369—370, 411—414.

² А. Д. Седельников. Песня о Щелкане и близкие к ней по происхождению. «Художественный фольклор», IV—V, М., 1929, стр. 43 и сл.

³ Я. Лурье. Роль Твери в создании Русского национального государства. Ученые записки ЛГУ, № 36, серия историческая, вып. 3, Л., 1939, стр. 103—104.

⁴ Там же, стр. 104—106.

⁵ Там же, стр. 107—108. Эту догадку поддерживает Н. Н. Воронин, привлекая к разработке вопроса данные позднейших источников (Н. Н. Воронин. «Песня о Щелкане» и тверское восстание 1327 г. «Исторический журнал», 1944, № 9). «Реализм и историческая конкретность „Песни“, — пишет Н. Н. Воронин (стр. 80), — указывают... что она слагалась под свежим впечатлением события, сохранив много бытовых и исторических его подробностей», и это дает основание автору отнести появление песни еще ко второй четверти XIV века.

жати по руским градом». Очевидно, в русском обществе приезд Щелкана в Тверь рассматривался как серьезная угроза политической самостоятельности Руси, и это еще более подчеркивает подвиг тверских повстанцев.

Итак, Азвяк (Узбек) одарил своих шурьев; одного только не пожаловал — любимого шурина Щелкана Дудентьевича, потому что он был в отлучке в дальней литовской земле, где брал «дани невыходы, царски невыплаты». Здесь дается яркая и выразительная картина татарского правежа дани, неоднократно наблюдавшегося русскими людьми: «с князей брал по сту рублей, з бояр по пятидесят, с крестьян по пяти рублей, у которово денег нет, у тово дитя возмет, у котораго жены та нет, того самого головой возмет».¹

Возвратившись в Орду, Щелкан просит Азвяка пожаловать его «Тверью старою, Тверью богатою, двомя братцами родимыми, дву удалыми Борисовичи». Азвяк соглашается, но только с тем, чтобы Щелкан убил своего любимого сына, нацедил чашу его крови и выпил. Щелкан заколол своего сына, чашу горячей крови нацедил и ту чашу выпил, и за то царь Азвяк пожаловал его «Тверью старою, Тверью богатою, двомя братцы родимыми два удалыми Борисовичи». В этом эпизоде заложен глубокий смысл. Деятели татарской администрации представляются автору песни отпетыми злодеями, людьми с каменным сердцем, лишенными совести и жалости, не останавливающимися перед тем, чтобы заколоть родного сына. Такие именно «послы» и нужны «царю Азвяку» для «чортова правежа», при помощи которого он поддерживает свою власть над покоренными народами и высасывает из них все соки. Этот отталкивающий образ захватчика и злодея, угнетателя и насильника до того омерзителен, что вызывает ненависть даже у сестры Щелкана Марии Дудентьевны, к которой, по варианту Гильфердинга, Щелкан перед уходом в Тверь заезжает прощаться. Она пожелала ему уехать в Тверь, но назад не возвращаться: «да остыть бы тебе, брателко, да на востром копие, на булатном на ножичке».²

Сев судьбою в Твери, Щелкан ведет себя совершенно разнузданно: он бесчестит вдов, позорит красных девиц, над всеми надругается и над домами насмехается. Эти бесчинства вызывают возмущение среди городского населения. Старые мужики, богатые мужики приносят жалобу двум удалым Борисовичам от народа. Сперва они пытаются договориться с Щелканом добром и приносят ему дорогие подарки. Но договориться с насильниками и угнетателями — дело безнадежное. Щелкан принял от Борисовичей подарки, но «зачванелся», «загорденелся» и чести им не воздал. Тверичи не перенесли оскорбления: «...оне с ним раздорили: один ухватил за волосы, а другой за ноги, и тут ево разорвали». И вслед за этим следует оптимистическое заключение: «Тут смерть ему случилася, ни на ком не сыскалося».

Если рассуждать формально, то заключительные слова песни не соответствуют исторической действительности, ибо убийство Щелкана весьма и весьма «сыскалось» на тверичах, переживших все ужасы карательной экспедиции. Тем не менее, в жизнерадостном финале песни заложен глу-

¹ В записях А. Ф. Гильфердинга «чортов правеж» Щелкана изображен так: «Он-де с поля брал по колосу, с огороду по курици, с мужика по пяти рублей. У кого тут по пяти рублей нету, у того он жену берет, у кого как жены-то нет, так того самого берет» (Онежские былины... , № 235, стр. 258). По другому варианту, «чорт-от с улицы брал по курицы, со избы брал он по петуху, со беда двора он по добру коги, у ково коня нет, дак и жену возьмет, у кого жены нет, самово в полон возьмет. Где ли Щелкан побывал, как будто Щелкан головей покотил» (там же, № 269, стр. 372—373).

² Онежские былины... , № 235, стр. 260.

бокий исторический смысл. Именно народное восстание в Твери привело к тому, что со «щелкановщиной» было покончено навсегда, и татары не повторили больше попыток непосредственно управлять русскими областями. В этом отношении формально противоречащая исторической действительности заключительная часть песни о Щелкане очень правильно отражает историческое значение событий 1327 года.

III

«Традиционная политика татар, — указывает Карл Маркс в своей «Секретной дипломатии XVIII в.» (глава V), — заключалась в обуздывании одних русских князей при помощи других, разжигании их междоусобий, с тем чтобы привести их силы в равновесие, не давая укрепиться ни одному из них». Положив это высказывание в основу своего труда «Монголы и Русь», А. Н. Насонов подкрепил его многочисленными конкретно-историческими примерами.

Следует, однако, отметить, что, всячески ущемляя власть русских князей, натравливая их друг на друга, мешая кому-нибудь из них особенно усилиться, татары в то же время объективно были заинтересованы в создании на Руси сильной великокняжеской власти, которая обеспечила бы бесперебойное поступление выхода и одновременно держало бы в узде русское население, предотвращая направленные против татарского ига восстания. Поскольку в XIV веке татары уже не были в состоянии непосредственно управлять русскими землями и держать в русских городах значительные гарнизоны, поскольку нельзя было уже, как прежде, приводить русских князей в трепет и повиновение одной лишь грозой ханского имени, окруженного ореолом ужаса, — сильная великокняжеская власть становится насущной политической потребностью самой Золотой Орды. Сознывая в то же время потенциальную опасность для себя в укреплении великого княжения, татары могли время от времени лишать его части территории, как это проделал хан Узбек в 1328 году, выделив из состава великого княжения Нижний-Новгород и Городец,¹ могли пытаться передать великокняжеское достоинство из рук московского князя другому, казавшемуся им достаточно сильным и пригодным для этой цели князю, как это сделано было, например, в малолетство Дмитрия Донского, могли и просто на время обескровить своего «улусника», но ни отказать от института великого княжения, ни передать его князю мелкому и незначительному татары уже не были в состоянии.²

Перечисляя причины возвышения Москвы, С. Ф. Платонов в числе их указывает на «близорукость татар», позволившую Москве вырасти в большую силу и свергнуть монгольское иго,³ но это была не «близорукость», а политическая необходимость, вызванная, с одной стороны, потребностями самих татар, а с другой, — усилением Руси, которая сумела оправиться от страшного погрома и с которой татарам приходилось уже серьезно считаться.

Именно на этих двух основаниях — на возросшей хозяйственной и политической мощи самой сильной из русских областей, Московского

¹ А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М.—Л., 1940, стр. 96.

² В 1384 году, отвечая на домогательства Михаила Александровича Тверского, желавшего получить ярлык на великое княжение, хан Тохтамыш, за два года до этого обманом овладевший Москвой и разоривший ее до тла, заявил: «... а что неправда предо мною улусника моего князя Дмитрея московского, и аз его поустрашил, и он мне служит правдою, и яз его жалую по старине» (ПСРА, XI, СПб., 1897, стр. 84).

³ С. Ф. Платонов. Лекции по русской истории. Изд. 5, СПб., 1907, стр. 129

княжества, и на потребности татар опереться на самого влиятельного русского князя — покоилось политическое положение Ивана Калиты, после того как он в 1328 году стал великим князем. Окончательное усиление Москвы устранило то равновесие среди русских князей, которое искусственно стремились поддерживать татары, и явилось большим шагом вперед в деле объединения русских земель и образования централизованного государства. Нарушение этого равновесия в пользу сильнейшего княжества исключало внутренние кровавые неурядицы среди князей, вынуждало их присмиреть перед сильным великим князем. Авторитет последнего внутри страны обеспечивал и внешнюю безопасность Руси. Недаром летописец отмечает «тишину», наступившую на Руси после восшествия Ивана Калиты на великокняжеский престол.

В годы «тишины» Иван Калита и его преемники провели большую хозяйственную и политическую работу по закреплению за Москвой великого княжества Владимирского. Они внедрялись в различные земли, входившие в великое княжение, приобретали там «примыслы», заводили села, становились видными местными землевладельцами. С другой стороны, они и в Орде осторожно, но настойчиво и последовательно добивались признания того положения, что великое княжество Владимирское является наследственным достоянием московского княжеского дома. В то же время объединительное движение, приведшее в конце концов к образованию централизованного государства, выработало особую практику раздачи владений Москвы после смерти ее князей. Практика эта наметилась уже при Иване Калите и нашла отчасти выражение в его духовной грамоте. Это, во-первых, сосредоточение в руках старейшего наследника, получавшего титул великого князя, возможно большего количества материальных ресурсов в виде земельных владений и поступлений от доходных статей. Во-вторых, в основе новой государственной практики московских князей лежал принцип не окончательного раздела территории между наследниками умершего князя и не дробления доходных статей по мелким дворам, а совместного управления такими важными пунктами, как город Москва, и остальными доходными статьями, с тем чтобы в раздел поступали только уже полученные доходы. В то же время соблюдался принцип старейшинства, согласно которому великий князь являлся политическим главой всех представителей княжеского дома, их руководителем и «печальником»,¹ причем это его право обеспечивалось не добрыми пожеланиями и благими намерениями завещателя и не убеждениями, вытекающими из отвлеченных моральных догм, а подавляющим перевесом его материальных ресурсов.

Установленные Иваном Калитой и применявшиеся его преемниками новые методы в управлении были также необходимы, чтобы наилучшим образом обеспечить выполнение главной функции государства — держать в узде эксплуатируемое большинство народа. Именно эта цель соответствовала установленному духовными грамотами Ивана Калиты порядку, согласно которому все его сыновья ведали численных людей «собча». Таким образом, не только внешнеполитические соображения, но и глубокие социально-экономические причины предопределили введение Иваном Калитой новой государственной практики.

Главный политический антагонист Москвы в XIV веке — Тверское княжество — не мог противопоставить своему сопернику такую же созидательную государственную работу, которую в силу определенных исто-

¹ «А приказываю тебе, сыну своему Семену, братью твою молодшую и княгиню свою с меньшими детьми, по бозе ты им будешь печальник» («Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.», М.—Л., 1950, стр. 8, 10).

рических условий сумели развить московские князья. Великие князья тверские также стремились к полному и безропотному подчинению себе младших тверских князей — кашинского, холмского, микулинского и других, но у них не было достаточных материальных ресурсов, чтобы на деле осуществить свое стремление. В Тверском княжестве с 1345 года возникли междоусобицы, часто поддерживавшиеся Москвой. Не имея достаточно сил, чтобы добыть себе великое княжение Владимирское собственными средствами, князья тверские все более начинают ориентироваться на силы внешние.

К этому времени уже вполне определилась связь тверской правящей династии с Литвой.¹ Захватив многочисленные русские земли, непосредственно угрожая Смоленску, посягая на Новгород и Псков, среди знати которых она находила полное понимание, Литва не могла пользоваться сочувствием русского народа и в первую очередь демократических элементов города. Потерпев неудачу в борьбе за великое княжение Владимирское, тверские князья все более начинают ориентироваться на литовскую помощь и тем самым окончательно дискредитируют себя в глазах передовых слоев русского общества. Не будучи решающим, это обстоятельство среди прочих причин также содействовало объединению русских земель именно вокруг Москвы.

Новая вспышка политической борьбы между Москвой и Тверью, осложненной на этот раз вмешательством Литвы, приходится на конец 1360-х годов. Никоновская летопись и Рогожский летописец относят начало борьбы к 1367 году, когда после большого московского пожара Дмитрий Иванович (будущий Донской) «заложил град Москву камен. и начаша делати безпрестанно».² Заложив каменный Кремль и надеясь на свою силу великую, в Москве «князи русьскыи начаша приводити в свою волю, а который почал не повиноватися их воле, на тых почали посягати злобою». Такое же «посяжение» было проявлено и в отношении князя тверского Михаила Александровича, который из-за этого вынужден был поехать за защитой в Литву.³ Эта заметка в Никоновской летописи и в Рогожском летописце дает тон дальнейшему изложению в тех летописных сводах, в которых лучше всего сохранилось тверское летописание XIV в. В данной связи, как увидим, действия Михаила Александровича, несколько раз наводившего литовцев на Русь, объяснялись исключительно необходимостью обороняться от московского натиска.

После междоусобицы среди тверских князей, не сумевших полюбовно разделить удел умершего бездетным в 1365 году князя Семена Константиновича, усобицы, в которой принимала участие и московская рать, Михаил Александрович в 1368 году вторично поехал к своему зятю Ольгерду литовскому «понужати и поучевати» его идти на Москву. Разбив наскоро собранный московский сторожевой полк, Ольгерд быстро оказался

¹ Напомним, что второй тверской епископ Андрей был представителем литовской знати, сыном князя Герденя. Связи тверского княжеского дома с Литвой нашли также выражение в ряде последовательных брачных союзов между князьями тверскими и литовскими, заключавшихся на протяжении нескольких поколений. Дмитрий Михайлович был женат на сестре литовского князя Ольгерда Марии Гедиминовне. Сам Ольгерд был женат на дочери Александра Михайловича Ульяне, причем брат ее, великий князь тверской Михаил Александрович, не перестававший мечтать о великом княжении Владимирском, неоднократно и не без успеха, как увидим, пытался использовать свои родственные связи с Ольгердом, чтобы вовлечь его в борьбу против Москвы. Сын Михаила Александровича, великий князь тверской Иван Михайлович, был женат на сестре Витовта Марии Кейстутовне.

² ПСРА, XI, стр. 8.

³ Рогожский летописец, стлб. 84.

под Москвой. Три дня он осаждал город, но новые каменные стены московского Кремля с успехом выдержали осаду. Сотворив много зла, опустошив и разграбив московские пределы, уведя с собой в полон много жителей, Ольгерд ушел во-свояси, «учинив лихо за лихо», как добавляет тверская летопись.¹ В этих словах, встречающихся только в Тверском сборнике и отсутствующих в других летописных сводах, наиболее ярко сказывается тверская политическая тенденция, стремящаяся взвалить всю вину за ужасы литовского нашествия на Москву: если, мол, московская земля и пострадала, то в этом повинен сам московский великий князь, поскольку он был зачинщиком кровопролития и теперь получил заслуженное возмездие — «лихо за лихо».

В то же время литовское разорение произвело огромное впечатление на русское население. Даже Рогожский летописец, более всего сохранивший следы тверского летописания, отмечает, что «преже того толь велико зло Москве от Литвы не бывало в Руси, аще и от татар бывало». «От Федорьчуковы до Олгердовы рати лет 41»,² — продолжает Рогожский летописец, как бы подчеркивая, что нашествием Ольгерда закончился период «тишины» в Московском (да и не только в Московском) княжестве, которой население наслаждалось в течение 40 лет. Все это, конечно, не могло привлечь расположение широких слоев населения, и особенно горожан, возглавлявших в XIV веке борьбу за «порядок» и против усобиц, к тому политическому центру, который ориентировался на Литву и впрямь неоднократно призывал литовскую рать на русские земли.

Результатом внезапного нашествия Ольгерда была уступка Михаилу Александровичу захваченного Москвой Городка (спорной части наследства князя Семена Константиновича). Однако эта уступка нисколько не отражала настоящего соотношения сил. В 1370 году Дмитрий Иванович опять объявил войну Михаилу, и последний снова ушел в Литву. Дмитрий вторгся в тверские пределы, взял Зубцов, причем жители его по соглашению были отпущены «куды кому любо» и разорил остальные тверские волости. Михаилу Александровичу на этот раз не удалось получить помощь от Ольгерда. Услышав на чужбине «таку изгибель своєю отчины», он в ноябре 1370 года ушел из Литвы в Орду к Мамаю, «печалую и жалую, и тамо многы укору изнесе и многы вины изложи, паче же всего въсхотесе ему самому княжения великаго, и многы дары раздав и многы посулы рассулив князем ординским и рядцям, испросил себе посол царев».³

Раздобыв ярлык на великое княжение, Михаил Александрович возвратился на Русь с татарским послом Сарыхожей. Но если еще в начале XIV в. русские князья не особенно склонны были беспрекословно подчиняться ханским повелениям, то теперь, когда Русь еще более окрепла и в лице Москвы приобрела объединяющий политический центр, Дмитрий Иванович вовсе не пожелал считаться с ханским ярлыком и приказал перехватить Михаила Александровича на границе. Его искали по заставам, но, предупрежденный своими московскими доброхотами, Михаил Александрович сумел избежать погони и опять ушел в Литву. На этот раз ему удалось вовлечь Ольгерда в новый поход на Русскую землю. В конце ноября 1370 года Ольгерд подошел к Москве «в силе тяжце», грабя по дороге населенные места, убивая и уводя в плен людей. Кремля.

¹ ПСРЛ, XV, стлб. 429.

² Рогожский летописец, стлб. 90.

³ Там же, стлб. 93.

однако, он взять не смог. Дмитрий Иванович с успехом выдержал восьмидневную осаду, а тем временем Ольгерд узнал, что двоюродный брат великого князя Владимир Андреевич собирает против него рать в Перемышле, что на помощь к Владимиру Андреевичу пришли князья Владимир Пронский и Олег Рязанский, над которыми тоже постоянно висела литовская опасность. Рогожский летописец сообщает, что митрополит Алексей в то время был в Нижнем-Новгороде, тоже, очевидно, собирая силы, «И то слышав Олгерд и убоясь и начят мира просити».¹ Ольгерд запросил «вечного мира», но Дмитрий Иванович согласился только на перемирие. Так безуспешно закончился и второй поход Ольгерда на Москву.

Лишившись литовской помощи, Михаил тоже должен был заключить мир с Дмитрием Ивановичем, однако весной 1371 года он уехал в Орду, откуда в сопровождении татарского посла Сарыхожи вернулся с ярлыком на великое княжение. Здесь на сцену выступает новая внушительная политическая сила, вмешательство которой оказало решающее влияние на ход событий. Это городское население великого княжества Владимирского, решительно отказывавшееся видеть Михаила Александровича великим князем.² Дмитрий Иванович «по всем градом» «привел к целованию» бояр и черных людей, обязавшихся не пускать Михаила Александровича «на княжение Володимирское»; не приняли его и владимирцы, и Михаил Александрович «отступи».³ Татарский посол Сарыхожа вынужден был послать своих представителей и одного тверского боярина звать Дмитрия Ивановича за ярлыком во Владимир, но Дмитрий решительно и с достоинством ответил: «К ярлыку не еду, а на великое княжение не пушу, а тебе, послу цареву, потчесь»⁴ (т. е. «путь чист»). Сарыхожа оставил ярлык Михаилу Александровичу, а сам поехал в Москву, где его обласкали и богато одарили. Летом того же года Дмитрий Иванович сам поехал в Орду «и подав сребра много от великого княжения; окааннии же измалтяне, за безаконие на[ше] ввергоша меч в Рускую землю и почестили князя Дмитрея, дав княжение великое ему, а князю великому Михаилу приказали: „дали бы есми тебе княжение великое, и рать есми тебе дав, и ты не захотел, и реклься есть сести своею силою; и ты сяди с кымь ти любо“».⁵

Так излагает события тверская летопись, пытаясь вину за кровопролитие свалить на татар, которые передают ярлык то одному, то другому князю, а потом ярлык отнимают, да еще издеваются и тем самым «ввергают меч» в Русскую землю. Для политических и общественных отношений Руси во второй половине XIV века, когда твердо наметился центр объединяющего государства и к нему были обращены симпатии передового населения, мотивировка тверского летописца, правильная для конца XIII—начала XIV века, теперь уже устарела.

Совсем иначе освещает дело Симеоновская летопись. По ее сообщению, великий князь Дмитрий Иванович «паче сам изволи пойти в Орду за свою отчину, нежели ступитися княжения великого».⁶ В этих словах заключается целая программа. Наблюдавшееся еще во времена Ивана Калиты стремление закрепить за Москвой великое княжение Владимир-

¹ Рогожский летописец, стлб. 94.

² Подробнее об этом см.: И. У. Будовниц. Поддержка объединительных усилий Москвы населением русских городов. Сб. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», М., 1952, стр. 117—122.

³ ПСРЛ, XI, стр. 15.

⁴ ПСРЛ, XV, стлб. 430.

⁵ Там же.

⁶ ПСРЛ, XVIII, стр. 110. Разрядка моя, — И. Б.

ское к 70-м годам XIV века превратилось уже в непреложный факт русской политической жизни, и об этом полным голосом заявляет современный памятник русской общественной мысли — официальная московская летописная запись, перешедшая затем в Симеоновскую летопись. В усобице 1371 года, как бы заявляет этот памятник, виноваты не татары, ибо они давно уже утратили право по своему усмотрению раздавать ярлыки на великое княжение; великое княжение Владимирское стало наследственным достоянием московского княжеского дома, его отчиной, которой никто не может у него отнять. С этим представлением согласуется и гордый ответ Дмитрия Ивановича послу Сарыхоже: «к ярлыку не еду, а в княжение великое не пушу».

Поездка Дмитрия Ивановича в Орду была сопряжена с большой опасностью для жизни: его могли там убить, как до этого убивали не один раз уже непокорных и неподатливых русских князей. Дмитрия Ивановича провожали в путь митрополит Алексей и множество народа, и все они проявляли сильное беспокойство за его судьбу. Но Дмитрий Иванович, по смыслу приведенной летописной записи, не мог не поехать в Орду, ибо речь шла не о каком-либо «примысле», не о дополнительном или побочном приобретении, каким являлось для Михаила Александровича великое княжение, а о коренном достоянии, об отчине. Пренебрегая всеми опасностями, Дмитрий Иванович предпочел отправиться в Орду, чем «сступитьися княжения великого».

Нельзя, конечно, категорически утверждать, что слова о великом княжении как об отчине Дмитрия Ивановича уже читались в первоначальной летописной записи и не были приписаны позднейшими редакторами. Мы имеем, однако, официальный документ, который относится к тому же 1371 году и в котором великое княжение Владимирское также называется отчиной Дмитрия Ивановича. Это московско-литовская докончальная грамота о продлении перемирия на три месяца, заключенная с литовскими послами в Москве летом 1371 года, когда Дмитрий Иванович находился в Орде. Грамота представляла в пределах великого княжения «путь чист» литовским и смоленским послам и купцам. Что касается Твери, то «путь чист» предоставлялся только ее послам: «а оприснь послов, тферичем нет дел в нашей отчине в великом княженьи».¹

Об успешном исходе поездки Дмитрия Ивановича в Орду и благополучном его возвращении Симеоновская летопись сообщает в приподнятом тоне, видя во всем этом «божью милость» и торжество правого дела: «На ту же осень князь великий Дмитрей Иванович выиде из Орды милостию божиею все по добру и по здорову, такоже вси бояре его и слуги его, творяще волю его, а княжения великого под собою покрепил, а супостаты своя и супротивники своя победив посрами».² Но «супостаты и супротивники» Дмитрия Ивановича еще не были побеждены, ибо не в Орде уже решались политические судьбы северо-восточной Руси. Еще весной 1371 года Михаил Александрович, расставшись с Сарыхожей, предпринял ряд быстрых военных ударов, повоевал Бежецкий верх, взял Кострому, Мологу, Углич и всюду посадил своих наместников. Захват Бежецкого верха вызвал раздражение Новгорода, заключившего союз с Дмитрием Ивановичем, причем Новгород обязался помогать Москве против Твери и Литвы, а Москва должна была помогать Новгороду против Твери, Литвы и немцев.

¹ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., I. М.—Л., 1948, стр. 48. Разрядка моя, — И. Б.

² ПСРА, XVIII, стр. 111.

С возвращением Дмитрия Ивановича из Орды военные успехи Михаила Александровича были приостановлены. Вскоре, однако, Михаил получил от Литвы военную помощь, при содействии которой он принудил к покорности кашинского князя, выступавшего против Твери. Характерно, что литовская рать, разорявшая вместе с тверичами русские земли, учинила «много пакости» и самой тверской волости, в селах своих союзников. В ходе этих военных действий новгородцы выгнали из Торжка тверских наместников, но Михаил Александрович выступил против новгородцев и разбил их, а Торжок был варварски разрушен и сравнен с землей. Кампанию завершил приход «в силе тяжце» самого Ольгерда (уже в третий раз) на помощь Михаилу. На этот раз поход Ольгерда, имевшего намерение опять двинуться на Москву, был перехвачен в пути. Дмитрий Иванович тоже собрал большое войско и пошел навстречу литовцам. Обе рати встретились у Любутска, где еще до этого Ольгерд соединился с Михаилом Александровичем. Москвичи смяли передовой отряд Ольгерда и обратили его в бегство. Но дальнейшие военные действия нельзя было развивать, так как обе рати разделяли овраг и «дебрь велика зело». Так они простояли несколько дней, и Ольгерд, убедившись в крушении своих планов, вынужден был взять мир с Дмитрием Ивановичем. По условиям мира, к которому присоединился и Михаил Александрович, последний отозвал своих наместников из захваченных им городов великого княжения, а Дмитрий Иванович отпустил тверского княжича Ивана Михайловича (сына Михаила Александровича), которого он выкупил в Орде за 10 тысяч гривен серебром.

Как уже указывалось, летописцы московские и тверские дают различное освещение описанных событий. Иногда это проявляется даже в незначительных оттенках и подробностях. Тверская летопись, например, сообщает, что княжича Ивана Михайловича москвичи держали «в истоме».¹ Симеоновская же летопись сообщает, что княжич Иван «седел у Алексея у митрополита на дворе», пока он не был выкуплен отцом;² ни о какой «истоме» здесь нет и речи. Симеоновская летопись с большим удовлетворением сообщает о том, что Дмитрий Иванович разбил у Любутска передовой полк Ольгерда. Тверская же летопись (Тверской сборник и Рогожский летописец) сообщает лишь о том, что в 1373 году в Любутске был заключен мир, умалчивая о поражении тверского союзника Ольгерда. Но самым поразительным в этом идеологическом поединке является различный подход публицистов обоих лагерей к разгрому Михаилом Александровичем цветущего русского города Торжка.

Тверской сборник и Рогожский летописец описывают это событие с торжеством и злорадством, как будто речь идет о разрушении не русского, а вражеского города «поганых». Началось все с того, повествует тверской летописец, который, судя по его рассказу, являлся очевидцем событий, что новгородцы взяли Торжок, укрепились в нем, и «свещаша зол совет, наместника князя великого Михаила сослаша, а тверичь изымав биша, а люди пограбиша. Князь же великий Михайло укрепився силою крестною и поиде ратию к Торжьку». Подойдя к городу, он якобы «со смирением» послал сказать новгородцам и новоторжцам: «...кто моих тверичь биль да и грабил, тех ми выдайте, а наместника моего посадите; а боле того ничтоже не учиню вашей земли пакости». Он ждал ответа до полудня, но новгородцев дьявол «возьмете злобою». «Новгородци похвалишася силою, и послаша к великому князю

¹ ПСРЛ, XV, стлб. 433.

² ПСРЛ, XVIII, стр. 111.

с высокою мыслию, а сами въоружившися бранию и изыдоша противу князя Михайла. Князь же великий Михайло молился великому Спасу и пречистой его матери, и съступишася, на пръвом суйме победи великий князь Михайло помощию архистратига Михайла». И так, новгородцы своевольничают, высокоумничают, выполняя «зол совет», а Михаил действует со смирением, защищая свои права; новгородцы надеются на свою силу, а Михаил, уверенный в правоте своего дела, все надежды возлагает на бога, который действительно оказывает ему помощь.

Разбитые новгородцы убежали в Новгород, другие устремились в Торжок. Далее автор со злорадством описывает бедствия потерпевших поражение новоторжцев: «и бежавших много исколоша, а иных поимаша бояр и новгородцевъ и новоторжескихъ, и приведоша в Тверь. И зажгоша с поля посады у города, и удари со огнем ветрь силен на град и поиде огонь по всему граду, и погоре въскоре весь град, и церкви каменны, и многое множество народа бесчисленное въскоре погибоша, а инии от огня бежачи в реце истопоша в едином часе, видехом град весь въскоре попель, и развеай то ветрь, и не бысть ничтоже, развое кости мертвых».

Свой рассказ тверской летописец заключает поучением: «Разумейте. братиа... то есть мужество, еже уповати на бога; а человеческая помощь ничтоже есть, еже сии сътвориша себе новгородци за высокоумие».¹

Совсем иначе излагает события Симеоновская летопись. Новгородские бояре, сообщает летописец, ехали в Торжок ставить крепость и выслали из Торжка тверских наместников. Стало быть, никакой «совет зол» не был новгородцами задуман, а ехали они в Торжок с оборонительными целями. Сообщается о высылке тверских наместников, но нет ни слова об арестованных и убитых тверичах и об ограблении их имущества. Михаил Александрович, продолжает Симеоновская летопись, собрал много войска, пришел к Торжку «и взя город и огнем пожже город весь, и бысть пагуба велика христианом». Далее описывается ужасная картина гибели жителей, мечущихся по объятому пламенем городу, задыхающихся в дыму, уничтожаемых огнем, утопающих в реке. Тверичи глумились над женщинами и девушками, раздевая их донага, «егоже поганин не творять». Первым в бою пал «за святой Спас и за обиду новгородцкую» (а вовсе не за «высокумие») Александр Аввакумович, были убиты и другие воеводы, иные убежали, много мужчин и женщин было уведено в Тверь пленными. «И кто, братие, — заключает свою горестную повесть летописец, — о сем не плачется, кто ся остал живых видевый, како они нужно и горкою смертью подъяша, и святыи церкви пожжени и город весь отъинудь пуст, еже ни от поганых не бывало такового зла Торжьку».²

¹ ПСРЛ, XV, стлб. 431—433. Разрядка моя, — И. Б. Этот же источник, повидимому, лег в основу рассказа Никоновской летописи, хотя, правда, здесь события излагаются без злорадства (ПСРЛ, XI, стр. 18—19).

² ПСРЛ, XVIII, стр. 113. Воскресенская летопись, в начале своего повествования о гибели Торжка следующая варианту Тверского сборника, в дальнейшем рассказе также дает потрясающую картину страданий новоторжцев и зверств тверичей. «И бысть пагуба велика христианом: ови в дворех над животом (имуществом, — И. Б.) погореша, а инии вбегша в церковь Спас, ту издыхошася, а инии от огня бежаша в реце Тферцы истопишася; а жен и девить одираху и до последние наготы, рекше и до срачицы, иже и поганин не творять, и те истопишася в реце срама ради, и чрънцов и черниць нагих пушаша, а товар, которой от огня остался, икогнаа скрута, злато и сребро, то все поимаша. Бе же многое множество мертвых, избитых, и топлых, и горелых, и издохлых, наметаша их 5 скудельницъ, а инии без останка изгорели, а инии истопишии уплыли вниз по Тферцы. Князь же Михайло Тферский, учинив сие великое зло Тръжку, еже ни от поганых татар зло таковое не быв ему, и многое множество товара взя, и корысть бесчислену приобрет, и полон поведе, и тако отъиде в Тфери» (ПСРЛ, VIII, СПб, 1859, стр. 20). То же — в Московском летописном своде конца XV в. (ПСРЛ, XXV, стр. 188).

Судя по приведенным летописным отрывкам, гибель Торжка произвела большое впечатление на русское общество и содействовала укреплению союза между Новгородом и Москвой. Когда спустя два года, в 1375 году, Дмитрий Иванович во главе всех русских князей окружил Тверь и призвал себе на помощь новгородцев, они, по сообщению Симоновской летописи, быстро собрались и через каких-нибудь четыре или пять дней явились под стены Твери, «князя великого честь изводяще, паче же свою обиду отмщающе, бывшую у Торжку». ¹ А по словам Воскресенской летописи, новгородцы «повелением великого князя» подступили к Твери «с многою силою», «скрежетаху зубы на тверичь за свою обиду, еже на них бывшую». ²

Военные действия 1375 года завершили в пользу Москвы тянувшуюся несколько поколений борьбу за то, кто должен возглавить движение русских земель за создание единого централизованного государства и кто поведет их в бой против носителей жестокого иноземного ига. Таким образом, события 1375 года явились необходимой предпосылкой Куликовской битвы. Происходившие в момент обострения отношений Москвы и с Мамаем и с Литвой, на которые возлагал все свои надежды Михаил Александрович, военные действия 1375 года выходили далеко за пределы соперничества Москвы и Твери и сразу приобрели характер общерусского предприятия. Как увидим, так понимали события и современники.

Дело началось с того, что в начале 1375 года «на христианскую изгибель», как пишет тверской летописец, бежали из Москвы в Тверь сын московского тысяцкого Иван Васильевич Вельяминов и гость-сурожанин Некомат. Изменники Москвы, они несомненно были связаны с теми «добротами» Михаила Александровича (а, может быть, сами были ими), которые еще в 1370 году дали знать тверскому князю, что Дмитрий Иванович собирается поймать его на границе. Беглецы обратились к Михаилу Александровичу «со многою лжею и лживыми (т. е. коварными, — И. Б.) словесы», ³ обещая раздобыть ему великокняжеский ярлык. Михаил Александрович отправил их в Орду, откуда они действительно вернулись с ярлыком Мамаю на великое княжение и с татарским послом Ачихожей. Одновременно сам Михаил поехал в Литву, где ему обещали помощь. Заручившись поддержкой Литвы и Орды, Михаил Александрович с торпливостью авантюриста («не дождав нимало») объявил Дмитрию Ивановичу войну («целованье сложил») и послал наместников с ратью в Торжок и Углич.

Эти действия вызвали грандиозный поход на Тверь всех русских князей и Новгородской земли во главе с Дмитрием Ивановичем. Собравшаяся против Твери коалиция была весьма внушительна по своей численности и силе. Но еще внушительнее был самый факт совместного выступления всех русских князей под руководством Москвы. Современникам был вполне ясен исторический смысл этого союза, всем острием направленного против самого опасного и смертельного врага Руси — Золотой Орды. «Вси бо, — гласит запись в Никоновской летописи, — вознегодоваша на великого князя Михаила Александровича Тверского». И дальше летописец вкладывает в уста Дмитрия Ивановича следующую гневную тираду: «Колико сей приводил ратью зятя своего, великого князя литовского Олгерда Гедимановича, и много зла христианом сътвори, а ныне сложися с Мамаем, и со царем его, и со всею Ордою Мамаевою; а Мамай яростию дышит на

¹ ПСРА, XVIII, стр. 116. Разрядка моя. — И. Б.

² ПСРА, VIII, стр. 22.

³ ПСРА, XI, стр. 22.

всех нас, и аще сему попустим, сложився с ними, имать победити всех нас».¹

1 августа 1375 года союзники взяли Микулинск, а 5 августа подступили к самой Твери. Они сожгли посад, обступили город, подкатили туры, зажгли стрельницу на Тмацком мосту, «и в скорби бысть весь град».² 8 августа Дмитрий Иванович собирался приступом взять город, но у Волжских ворот Михаил Александрович сделал вылазку, побил осаждавших и сжег их туры. Этот незначительный тактический успех тверской летописец раздувает в большую победу, ниспосланную тверичам богом, а Симеоновская летопись даже не упоминает о столкновении у Волжских ворот, не без основания считая его эпизодом, не оказавшим влияния на конечный исход кампании.

Наконец, после длительной осады, Михаил Александрович, видя «свое изнеможение», послал к Дмитрию «с покорением и с поклонением» и стал просить мира. «Князь же великий, — отмечает Симеоновская летопись, — не хотя видеть разорения граду и не хотя видети кровопролития христианьского, взя мир с князем с Михаилом на всей своей воли».³

В чем же заключалась «вся воля» Дмитрия Ивановича? Ответ на это дает московско-тверской договор 1375 года, заключенный после поражения Михаила Александровича.⁴ Этот документ составлен в виде ультиматума, предъявленного тверской стороне. После того как Михаил Александрович согласился на все предъявленные ему требования, ультиматум превратился в договор, заключенный на долгое время («а целованья не сложити и до живота»). Договор выходит за пределы московско-тверских отношений. В нем нашло выражение новое политическое положение, сложившееся к этому времени в северо-восточной Руси. Прежде всего констатируется, что великий князь Московский, который в это время считал своей отчиной не только княжество Московское, но и великое княжество Владимирское (как это подчеркивается в другом месте договора),⁵ является главой русских князей, действующих с ним заодно: «А князи велиции крестьянстии и ярославстии с нами один человек». Но этого мало: его влияние простирается также на великое княжество Смоленское, которое он берет за оборонять наряду с другими княжествами от литовского натиска: «А пойдут на нас литва или на смоленьского на князя на великого, или на кого на нашу братью на князей, нам ся их боронити». Это влияние простирается и на Новгород Великий, который перечисляется в составе отчинных земель Дмитрия Ивановича⁶ и в отношении которого Михаилу Александровичу предписывается «под нами не искати, и до живота, и твоим детем, и твоим братаничем». Даже Рязань в какой-то мере вовлечена в эту систему, поскольку князь рязанский Олег Иванович назначался третейским судьей для разбора могущих возникнуть в будущем некоторых спорных вопросов.

Дмитрий Иванович выступает в договоре арбитром общерусских дел и верховным защитником русских земель. Договор предусматривает, что если Михаил Александрович начнет обижать других русских князей, «нам, до зря их правды, боронитися с ними от тебе с одного. А имут

¹ ПСРЛ, XI, стр. 23.

² ПСРЛ, XV, стлб. 434.

³ ПСРЛ, XVIII, стр. 116. Эту же похвалу Дмитрию Ивановичу находим и в Рогожском летописце (стлб. 112).

⁴ Духовные и договорные грамоты..., № 9, стр. 25—28.

⁵ «А имут нас сваживати татарове, и имут давати тебе нашу вотчину, великое княженье».

⁶ «Целуй ко мне крест... и к нашей вотчине в Великом Новгороде».

тобе обидети, нам, дозря твоей правды, боронитесь с тобою от них с одного» (разрядка моя, — И. Б.). Дмитрий Иванович обязуется оборонять русских князей от Литвы и от других недругов. Он выступает также гарантом независимости Кашинского княжества, выделившегося из Тверского великого княжества в самостоятельную политическую единицу.

В новую политическую систему, сложившуюся под руководством московского князя, кроме великого княжения Владимирского, Новгорода Великого, в известной мере Рязанского и Смоленского великих княжеств, договор включал и Тверское великое княжество, которое до этого не только вело самостоятельную политику, но активно пыталось взорвать ту самую политическую систему, которая с такой твердостью зафиксирована в договоре 1375 года. Отныне Михаил Александрович признавал себя «младшим братом» Дмитрия Ивановича (приравненным по феодально-иерархической лестнице к двоюродному брату Дмитрия князю серпуховскому Владимиру Андреевичу) со всеми вытекающими отсюда последствиями. Михаил Александрович на вечные времена (за себя, своих детей и «братаничей») отказывался от великого княжения Владимирского и от Новгорода Великого. Далее, Михаил Александрович должен был не только круто переменить свою внешнеполитическую ориентацию, «целованье сложити» «к Ольгерду... и к его братьи, и к его детем, и к его братаничем», но и вообще отказаться от самостоятельной внешней политики, всецело подчинив ее великому князю Дмитрию Ивановичу. Именно «по думе» с последним должны были решаться вопросы войны и мира с Ордой или вопрос о том, следует ли ей платить выход.

По договору Дмитрий Иванович стал фактическим распорядителем военных сил Тверского княжества. Лишенный самостоятельности во внешней политике, Михаил Александрович не мог сам определять, должен ли он участвовать в затеянной Дмитрием Ивановичем войне, а обязан был беспрекословно предоставить ему свои военные силы. Отныне военные ресурсы Тверского княжества были повернуты против Золотой Орды и Литвы, т. е. против основных внешних врагов Русской земли. С Литвой Тверь должна была прекратить все предыдущие договорные отношения («целованье сложити»), что же касается Орды, то договор предусматривал: «А пойдут на нас татарове, или на тебе, битися нам и тебе с одного всем противу их. Или мы поидем на них, и тебе с нами с одного понти на них». Данное обязательство опять-таки отражает внешнеполитическую несамостоятельность Твери: Дмитрий Иванович «бьется» вместе с Михаилом Александровичем против татар только в случае их нападения на одну из сторон, но сама напасть на Орду может только московская сторона, пользуясь и в этом случае помощью Твери. Возможность самостоятельного нападения последней на Орду договор исключает.

В том же плане соблюдения интересов всей Русской земли в борьбе с ее смертельным врагом — Золотой Ордой — следует рассматривать обоюдные обязательства сторон противостоять татарской «сваде» и «лести бесерменской», которой еще так недавно неосторожно и легковерно поддавался Михаил Александрович. «А имут нас сваживати татарове, — говорится в договоре, — и имут давати тебе нашу вотчину, великое княженье, и тебе ся не имати, ни до живота. А имут давати нам твою вотчину Тферь, и нам ся тако же не имати, и до живота». Так в «международном» договоре нашло отражение одно из основных положений русской общественной мысли XIV века: не поддаваться «сваде» татар, которые всегда рады поссорить между собой русских князей, чтобы «ввергнуть нож» в Русскую землю.

Понятие о великом княжестве Владимирском как об «отчине» московского князя нашло также выражение в договорных грамотах Дмитрия Донского с его двоюродным братом Владимиром Андреевичем Серпуховским, а также в духовных Дмитрия Донского. Эти духовные снова и снова подтверждают, что великое княжение Владимирское является прочной и неотъемлемой наследственной собственностью князя московского, которой он свободно распоряжается. «А се благословляю сына своего князя Василья, — говорится во второй духовной грамоте Дмитрия Донского, относящейся к 1389 году, — своею отчиною, великим князем».¹

Автор «Слова о житии и о преставлении» Дмитрия Донского, описывая его прощание перед смертью с боярами, вкладывает ему в уста, между прочим, следующие слова: «... княжение укрепих, и мир и тишину земли створих, отчину свою с вами съблюдох, еже ми предал бог и родители мои».² Призвав потом сына своего Василия на «старейший путь», Дмитрий передает в его руки великое княжение, «яже есть стол отца его и деда и прадеда».³ Характерно, что понятие о великом княжестве Владимирском здесь сливается уже с понятием о всей Русской земле, которая, естественно, также объявляется отчиной Дмитрия Донского: «дал есть ему отчину свою Рускую землю. И раздавал же есть комуждо сыном своим, и городы свои в отчину им предасть по частям».⁴

Робко и осторожно высказанная еще при Иване Калите, провозглашенная затем полным голосом, нашедшая отражение в важнейших государственных актах и признанная самой Золотой Ордой при Дмитрии Донском идея о том, что великое княжество Владимирское есть отчина московского князя, является одним из основных положений русской публицистики XIV века. Это была глубоко патриотическая идея, выходящая далеко за пределы политических домогательств московского правящего дома и направленная своим острием против татарского гнета. В самом деле, если великое княжество Владимирское являлось наследственным достоянием московского князя, то это означало, что оно перестает быть объектом пожалования золотоордынских ханов, что последние лишаются верного средства вносить сумятицу и путаницу в политические отношения Руси, в кровавых раздорах за великое княжение сталкивать лбами русских князей, вымогать у них дополнительные дани, искусственно дробить и ослаблять русские земли. Именно в особо острые моменты борьбы с татарским игмом идея отчинного владения московских князей великим княжением противопоставлялась как татарскому произволу, так и неумеренным притязаниям других князей.

* *
*

Мы далеко не исчерпали темы идеологической борьбы Москвы и Твери за возглавление русских земель. Мы не коснулись, в частности, происшедшей в XIV веке острой борьбы в сфере церковных отношений, по-

¹ Договорные и духовные грамоты... № 12, стр. 34.

² ПСРЛ, IV, ч. 1, вып. 2, Л., 1925, стр. 358. В списке Воскресенской летописи это место читается так: «... великое княжение свое велми укрепих, мир и тишину земли Руской сътворих, отчину свою с вами съблюдох, еже ми предал бог и родители мои» (ПСРЛ, VIII, стр. 56).

³ ПСРЛ, IV, ч. 1, вып. 2, стр. 358.

⁴ Там же. Разрядка моя, — И. Б.

дробно отраженной в летописях и других литературных произведениях.¹ И всё же приведенный материал убедительно показывает, что уже на начальном этапе процесс создания Русского централизованного государства сопровождался усиленной работой общественной мысли. С конца XIII—начала XIV века русское летописание постепенно стряхивает с себя феодальную замкнутость, расширяет свой горизонт и опять приобретает общерусский характер. Снова на страницах летописей ставятся важные вопросы политической жизни страны. Страх перед татарами, сковывавший владимирское летописание XIII века, сменяется разоблачением приемов татарского властвования, призывом к борьбе против «окаянных» угнетателей. Русским публицистам описываемого времени ясна тактика татар, заключающаяся в разжигании княжеских междоусобиц на Руси. Разоблачая эту тактику татар, стремившихся «звергнуть нож» в среду русских князей, передовые летописцы призывали последних к прекращению взаимных раздоров и выступлению единым фронтом против татарского ига. Русская общественная мысль находит свое выражение и в других жанрах, запечатлевая свои положения в важнейших государственных актах, воплощая их в продиктованных из Москвы документах вселенского патриарха.

Мы наблюдаем, таким образом, на протяжении XIV века оживление русской общественной мысли и публицистики. И только по глубокому и странному недоразумению М. Н. Покровский мог утверждать, что в XIV веке публицистика «и не снилась» Москве.²

¹ Искусно используя в своих объединительных целях русскую православную церковь, которая всегда льнула к самому сильному княжеству, Москва, учитывая упадок Византии, одновременно заставляла служить своим интересам и Константинопольскую патриархию. На протяжении долгого времени патриархи Исидор, Каллист, Филофей, Макарий, Нил являлись ревностными агентами московского правительства, подтверждая такую серьезную в условиях средневековья меру, как отлучение от церкви русским митрополитом князей — противников Москвы, призывая к безусловному повиновению всех русских церковных иерархов митрополиту всея Руси, державшему сторону Москвы, призывая к крестовому походу на «язычников-огнепоклонников» — литовцев, поддерживая единство русской митрополии в старинных ее пределах, распространяя от своего имени и пропагандируя политические идеи Москвы (см. Грамоты Константинопольской патриархии: «Русская историческая библиотека», VI, СПб., 1880, Приложения, №№ 3—11, 16—21, 29—30, 33 и др.).

² М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. Партиздат, 1932, стр. 58.